
НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

В. С. МИХАЙЛОВСКИЙ

НЕОМАРКСИСТСКИЙ ПОИСК РЕВОЛЮЦИИ И ЕЕ АГЕНТОВ*

Цель статьи – исследование неомарксистского подхода к социальной трансформации и выявление неомарксистских субъектов революционного действия. В статье делается попытка преодоления узкого горизонта видения марксистского революционного дискурса как проектирования пролетарской борьбы. К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали объективные экономические законы смены общественных формаций и значение революции для перехода к новому обществу, но, по мнению автора, не уделили должного внимания субъективному фактору исторического процесса. Этот пробел марксистской теории был преодолен в рамках неомарксизма. Отказавшись от понимания социальной трансформации как насильственного скачкообразного преодоления капитализма, неомарксисты акцентировали внимание на необходимости дополнительной ценностной переориентации сознания масс – культурной революции. Однако в хорошо разработанной теории обнаружилось сложности при поиске конкретного агента преодоления культурной репрессивности капитализма. В послевоенный период неомарксистская мысль столкнулась с кризисом революционного представительства. Готовность рабочего класса общества потребления к социальным изменениям снижалась по мере демонстрации капитализмом своей эффективности, а западные коммунистические партии все менее интересовались марксистской диалектикой и все активнее включались в парламентский избирательный процесс. В перспективном измерении неомарксисты сделали ставку на маргинальные силы: радикальную молодежь и иммигрантов. Социальная «невключенность» этих слоев в капиталистические отношения концептуализировалась как новый потенциал революции, а внесистемные методы борьбы – как новый модус революционного действия. Концепт «Великого отказа» от

* Статья подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г16КАО/А-006).

ценностей капитализма частично возымел практический успех в молодежных бунтах 1960-х гг., чего нельзя сказать о революционной практике иммигрантов. В статье проводится критический анализ слабых сторон неомарксистского теоретизирования по поводу революционного потенциала иммигрантов. На основе анализа современного миграционного кризиса делается вывод о том, что угроза для капитализма заключается не в альтернативах социального порядка со стороны иммигрантов, а в требовании иммигрантов одинакового капитализма для всех. Желание иммигрантов включиться в развитые трудовые отношения и потреблять по западному образцу подрывает модель современной эксплуатации, организованной по принципу «центр – периферия» в рамках отдельного государства. Иммигранты есть «жертвы догоняющего потребления»: они менее, чем современный рабочий класс, готовы к культурной революции.

Ключевые слова: *дуальное общество, иммигранты, классовое сознание, культурная революция, неомарксизм, радикальная молодежь, эксплуатация.*

Одним из значимых направлений в исследованиях политики является изучение закономерностей изменения социального порядка и поиск субъектов активного политического действия. Марксистская мысль имела особое значение в истории политической мысли в связи с глубоким осмыслением факторов общественной трансформации. Был произведен анализ как объективных причин возможности трансформации капиталистического порядка, так и тех необходимых действий, которые должны предпринять силы сопротивления для организации нового общественного устройства.

Марксизм притягивал идеями освобождения человека от всяких форм отчуждения и эксплуатации, транслировал массам новую мощную систему ценностных ориентиров. Человек труда в рамках такой ценностной системы выступал с позиции активного субъекта гармонизации действительности, отвергая «капиталистический» принцип приспособления к условиям существования, а социальное пространство конституировалось как предмет активной социальной практики, как исторический опыт пролетариата. Однако не стоит преувеличивать реальную связь между основателями марксизма и рабочим движением. Партии пролетариата как городских работников промышленности возникли только после смерти К. Маркса. Основатели марксизма хорошо разработали экономическую тео-

рию капитализма, но не оставили рабочему движению сравнимой с ней политической теории, выходящей на осмысление стратегий и тактик революционной борьбы.

В конце XIX – начале XX в. возникла потребность в адаптации марксизма к реальным политическим нуждам. Если «первое поколение наследников Маркса» (К. Каутский, Л. Лабриола, Ф. Меринг, Г. Плеханов) систематизировало и обобщало марксизм, то «второе поколение» (О. Бауэр, В. И. Ленин, Р. Люксембург, Л. Троцкий) распространяло марксизм на те сферы, которые не получили концептуального обобщения в классическом марксизме, но которые актуализировались в реальной общественной практике начала XX в. Речь шла о процессах монополизации, империалистической экспансии, бурном накоплении капитала, обострении классового противостояния и скорой близости революции. Возникли национальные партии рабочего движения, которые приобрели значительную роль в политике. Марксизм стал доминировать в общественном дискурсе и соизмерять политическую практику с ожиданиями масс. Кульминацией этого процесса стала Октябрьская революция 1917 г.

Опыт революционного действия в России имел двоякое значение в развитии марксистской мысли. С одной стороны, имела место наглядная демонстрация практической возможности марксизма. С другой стороны, «остановка» пролетарской революции в той или иной стране вызвала новое критическое осмысление марксизма – его адаптивности и негативной роли партийной догматизации в революционном процессе.

Желание сохранить революционную направленность марксистской диалектики в новых исторических условиях и вне партийной догматизации привело к тому, что уже в конце 1920-х гг. «очаги марксизма как дискурса постепенно смещались от профсоюзов и политических партий в научно-исследовательские институты и на университетские кафедры» (Андерсон 1991: 161). Российский социолог Б. Ю. Кагарлицкий образно назвал этот процесс уходом марксизма «в академическое гетто» (Кагарлицкий 2005: 65). Начались профессионализация марксизма и академическая институционализация (работа Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне). Марксизм повлиял на различные направления исследований: историю, культурологию, социологию, философию. Это

влияние оказалось таким существенным, что сам марксизм был воспринят не только как идеология революционной борьбы пролетариата, но и как новый метод познания социальности – *неомарксизм*.

Неомарксизм есть совокупность различных по предметной направленности исследовательских концепций, индивидуальных и коллективных проектов и интеллектуальных практик, которые интерпретировали марксизм, синтезировали его положения или опирались на них в собственных концептуальных построениях. Изначально неомарксизм основывался на привнесении в марксистскую онтологию конституирующего значения субъективного фактора при признании взаимной детерминации структур общественного бытия. Эта установка была задана для неомарксистского познания общества и политики как парадигма исследования¹. Основными теоретиками неомарксизма являются Т. Адорно, Л. Альтюссер, И. Валлерстайн, А. Грамши, Д. Лукач, Г. Маркузе, А. Негри, Э. Фромм, М. Хардт, М. Хоркхаймер.

Цель статьи – изучить неомарксистский подход к социальной трансформации и выявить неомарксистских субъектов революционного действия.

Роль субъективного фактора (сознания) в революции как отправная точка в неомарксистских исследованиях социальной трансформации была актуализирована немецким философом К. Коршем и венгерским философом Д. Лукачем, а затем стала важнейшим предметом исследований представителей Франкфуртской школы. Исследования неомарксистов отличались отходом от экономического детерминизма и использованием социологизированного психоанализа. Австрийский психолог В. Райх в русле фрейдомарксизма отмечал, что приверженцы экономического детерминизма не учитывали всей сложности процесса усвоения массами различных идеологием. По мнению теоретика, «скорость изменения “идеологии” ниже скорости изменения экономического базиса». Это означает, что «экономическая и идеологическая ситуация», в которой находятся массы, «необязательно должны совпадать» и что в результате революции новая «экономическая ситуация не преобразуется непосредственно в политическое сознание» (Райх 2004: 59–60).

¹ Подробно о генезисе и теоретико-методологических основаниях неомарксизма см.: Михайловский 2012; 2015.

Если «марксистская логика» исследования сферы сознания требовала рассмотрения идеологем, оставшихся после революционных изменений в «базисе», как «пережитков», «родимых пятен» старого строя, то неомарксистская уделяет существенное внимание этим «пережиткам» как факторам, во многом определяющим новые общественные отношения. В этом противоречии содержатся истоки возможного возрождения прежнего порядка. В такой ситуации новая «надстройка» формируется не как отражение нового «базиса», на ее формирование влияют сохранившиеся и воспроизводящиеся мыслительные формы. Неомарксисты исходили из того, что ничего нельзя решить лишь свержением и что *революция может привести к ликвидации капитализма, но не затронуть власть капитала*. Ликвидация капиталистического порядка общества не влияет на стремление к накоплению капитала, а значит, сохраняется система, это общество воспроизводящая.

В неомарксизме сформировался подход к пониманию революции как изменения не только реальных условий существования людей, но и их субъективных установок. В социальном процессе субъективный фактор становится доминантным. Неомарксисты отказываются от понимания революции как широкомасштабных (организованных) массовых выступлений. Немецкий философ Г. Маркузе писал: *«Марксистская концепция революции как революции, осуществляемой большинством эксплуатируемых масс и имеющей своей кульминацией “захват власти” и установление диктатуры пролетариата <...> отстала» от исторического развития* – она отвечает пройденной фазе капиталистического производства и организации, но не отвечает нынешней более высокой фазе капиталистического производства, включающей в себя производство средств <...> идеологической обработки» (Marcuse 1969: 30).

Вопросы о роли сознания и борьбы идеологий стали основополагающими в рамках неомарксистской теории и сместили изучение практики brutального насилия в политике на второй план, рассматривая такую практику как лишь один из возможных атрибутов преобразования общества. В центре внимания оказались факторы, воздействие которых свидетельствует об изменении сознания общества. Эти изменения и могут быть названы революцией в неомарксистском понимании.

Неомарксистская концептуализация современной социальной трансформации была тесным образом связана с обращением к потенциалу психологии масс и исследованиями репрессивной сущности культуры в современном обществе. Еще в начале XX в. Д. Лукач отмечал, что главным препятствием для подлинной трансформации общества является «раскол пролетарского сознания» (Лукач 2003: 167). Речь шла о невероятной сложности преодоления убеждения масс в устойчивости сложившегося порядка и иллюзий о том, что успехи экономической борьбы могут приблизить к решению социальных и политических вопросов. Эта тема особенно актуализировалась после Второй мировой войны.

Перспективы расширения социалистической альтернативы привели к значительным трансформациям экономических, правовых, социальных и политических отношений. Социалистический вызов наряду с другими факторами (переход западного общества на уровень постиндустриального развития, научно-техническая революция, информационные технологии, формирование ценностных установок общества потребления) существенно повлиял на функционирование системы капитализма. Поиск новых агентов революции, обладающих высоким классовым сознанием, в 1960-е и 1970-е гг. столкнулся с завышенными ожиданиями масс государства всеобщего благосостояния. Готовность рабочего класса общества потребления к социальным изменениям снижалась по мере демонстрации капитализмом своей эффективности: увеличения объема материальной культуры, доступности предметов массового потребления, удешевления комфорта и роскоши, приобщения все новых сфер общественного воспроизводства к порядку индустриального капитализма. Французский философ Ж. Бодрийяр описывал современного пролетария как «“нормального” человека», который «возведен в достоинство полноправного “человеческого существа”», и, что важно, «перенимает все виды дискриминации, свойственные господствующим классам, – он расист, сексист, мыслит репрессивно». «Код нормальности», который был навязан современному пролетариату массовой культурой потребления, «образует сильнейшую идеологическую защиту» от интенций на перемены (Бодрийяр 2000: 85–86). По этому поводу американский публицист К. Нэбб отмечал: «Одна из основных вещей, не дающих нам осознать наше по-

ложение – это спектакль внешнего счастья других людей, который заставляет нас воспринимать нашу собственную несчастливость как позорную примету неудачников» (Нэбб 2003: 40). Теория марксизма-ленинизма не обладала необходимым понятийно-категориальным аппаратом и объяснительными моделями познания таких социальных процессов. Возникла исследовательская необходимость «отойти от самой марксовой теории настолько, насколько изменились объекты ее критики», и «построить» на основе марксистского метода «новый теоретический аппарат, адекватный нашей нынешней ситуации» (Хардт, Негри 2006: 180).

Неомарксисты обратились к анализу значения *ценностей* в воспроизводстве капитализма, а социальную трансформацию стали понимать как культурную революцию. Именно поэтому Г. Маркузе писал не о бунте, а о «Великом отказе». «Великий отказ» – понятие, применяемое в неомарксизме для обозначения важности ценностей в воспроизводстве капитализма и понимания социальной трансформации как полной переоценки ценностей, потребностей и задач общественного развития. «Индивиды воспроизводят репрессивное общество в своих потребностях <...> и именно эта преемственность до сих пор препятствовала скачку от количества к качеству свободного общества» (Маркузе 2004: 20). Отметим, что в дальнейшем (в начале XXI в.) об этом писали и американский философ М. Хардт, и итальянский философ А. Негри. Теоретики образно обосновывали, что трансформация капиталистического порядка возможна как «бегство», «антропологический исход», формирование «новых варваров», которые строят «новую жизнь» (Хардт, Негри 2004: 201, 203–204). Таким образом, неомарксисты обратились к поиску тех современных субъектов, которые могут быть идентифицированы с потенциальными силами такого сопротивления. Эта аналитическая проблема стала одной из наиболее сложных для неомарксистских теоретиков. Задача заключалась в том, чтобы найти новых агентов революции, и отказаться от этой задачи было нельзя. Венгерский философ и экономист И. Месарош писал, что «невозможно артикулировать контекст радикальной социальной критики <...> без выявления адекватных социальных сил, способных стать гегемонистической альтернативой правящему классу (классам) установленного порядка» (Mészáros 2005: 167).

Этот поиск происходил на фоне активного включения в 1960-х гг. европейских коммунистических партий в западный политический процесс. Обнаружилось, что западные коммунистические партии стали в меньшей степени интересоваться марксистской диалектикой и идеалами революционной борьбы. Особенно это проявилось в тот период, когда пришло осознание невозможности прямой практической реализации догматизированных партийными теоретиками марксистских утверждений. Потеряв опору на партии рабочего движения как классических носителей революционного сознания, неомарксисты были вынуждены и по этой причине выйти за рамки марксистско-ленинских представлений и выявить новых агентов революционного действия.

В фокус аналитического внимания попали радикальные интеллигенты – выходцы из студентов, а также иммигранты. Г. Маркузе отмечал общие черты этих двух групп, которые указывают на их новый революционный потенциал. Это отрицание любых видов и форм эксплуатации; «настойчивое требование не только новых институтов, но и самоопределения»; «недоверие ко всем идеологиям, включая социализм»; «непринятие псевдодемократического процесса» (Marcuse 1969: 31). Г. Маркузе была сделана ставка на маргинальные силы по причине того, что именно в радикальных практиках этих субъектов он видел их «невключенность» в капиталистический порядок («выпадение из него»), а следовательно, способность к радикальным преобразованиям. Маркузе утверждал, что «культурная отсталость» «может дать исторический шанс повернуть колесо прогресса в другом направлении» (Маркузе 2003: 304–305). Этот поворот будет иметь «историческое» значение – отмену эксплуатации во всем мире (Marcuse 1971–1972: 2).

Г. Маркузе имел в виду и культурную отсталость целых государств. Дело в том, что в неомарксизме новой была не только тема эксплуатации сознания масс, но и тема структурной эксплуатации целых стран в рамках глобального капиталистического порядка. С точки зрения неомарксистских теоретиков мир-системного анализа и теории зависимости (С. Амин, И. Валлерстайн, Р. Пребиш, Т. дус Сантус), «центро-периферийное» структурирование мира является неоимпериалистической и неокOLONIALной политикой, которая приводит к формированию глобальных объектов эксплуатации.

Необходимость «невключенности» агентов революции была развита и в рассуждениях Ж. Бодрийяра. Интересно, что философ под иммигрантами понимал всех, кто лишен «представительства», кто действует от лица самого себя. В этом и заключается потенциал новой революции. «Занимая отклоняющиеся положения по отношению к системе политического представительства», иммигранты «заражают своей девиантностью весь пролетариат в целом, который тоже понемногу приучается обходиться без системы представительства и без всякой инстанции, претендующей говорить от его имени» (Бодрийяр 2000: 78–79).

Идея культурной революции стала особенно популярна среди европейской и американской молодежи середины XX в., однако она была идейно искажена. Это наглядно проявилось по отношению к творчеству Г. Маркузе. Теоретик сам опровергал свою связь со студенческими выступлениями 1968 г. (Marcuse 2005). Проблема неправильного понимания культурной революции подводила многих теоретиков неомарксизма к скептической оценке современных форм политической борьбы. Критику вызывала и практика антиглобализма – ведущего в настоящее время альтернативного движения. По мнению Ж. Бодрийяра, «политическое воздействие» антиглобалистского движения «может быть ощутимым, а символический удар ничтожен» (Бодрийяр 2003: 21). Насилие господствующей системы существует на символическом уровне. Насильственных действий недостаточно для того, чтобы преобразовать капиталистическую систему, тем более на уровне глобального порядка. Вся эта борьба включена в глобальный порядок и действует внутри системы как ее часть. Отсюда следует, что единственным выходом является действие внесистемными методами: «бросить системе такой вызов, на который она не сможет ответить». В противном случае любое «насилие» система сможет преодолеть, «сама ведя игру». Ж. Бодрийяр описывал символическое значение для капиталистической системы массового «отказа» от «труда, заработной платы и потребления», но вопрос возможности этого на практике не раскрыл (Бодрийяр 2000: 99, 106; 2003: 21)². Однако подобная негативная оценка

² В целом проблематика работы и значение ее переосмысления в построении нового общества интересовала неомарксистов. Этому вопросу в рамках социально-политических исследований наибольшее внимание уделял французский экономист и политолог А. Горц (A. Gorz).

современных альтернативных движений не означала исследовательского пессимизма в вопросе о возможностях трансформации современного капитализма. Более того, исследуя пути развития современного капитализма и глобального порядка, теоретики неомарксизма выделяли факторы, которые (с их точки зрения) позволяют говорить об объективной возможности преобразования капиталистического общества.

М. Хардт и А. Негри в своей концепции «Империи» исследовали эти факторы и обращали внимание на социальных агентов, способных к трансформации глобального порядка. Их рассуждения не лишены и оптимистического пафоса. Они писали, что «в действительности, мы – хозяева мира, потому что наше желание и труд непрерывно его обновляют и возрождают» (Хардт, Негри 2004: 358). Возможность глобальной трансформации они усматривали в том, что глобальный капитализм сопровождается постоянными моментами дестабилизации. Глобальная капиталистическая система функционирует не на уровне воспроизводства устоявшихся структур с единым центром управления, а на уровне точечного преодоления системных отклонений. Этот тотальный характер реакции на любые точечные вызовы есть свидетельство определенной уязвимости капиталистического порядка.

Функционирование глобального капитализма как постоянной реакции на вызовы означает воспроизводство ситуации постоянного становления. Капитализм есть непрекращающийся процесс приведения глобального пространства в соответствие с собственным «проектом». Этот процесс формирует своеобразную сеть «жизни сообща» или то, что было названо М. Хардтом и А. Негри «множеством». Множество – это политическая субъектность современной массы. Для множества характерным является сохранение личностного различия субъектов, его составляющих, открытость и широкий социальный охват (в этом отличие от марксистского понимания класса пролетариата); множество есть масса «трудящихся» в широком понимании (Они же 2006: 1, 4, 5, 133).

Российский философ А. Г. Дугин отмечал, что современные глобальные процессы можно назвать «либерально-марксистской глобализацией». Он применяет этот понятийный конструкт, чтобы показать, как стремление класса эксплуататоров организовать и

породить глобальное управление неминуемо сопровождается возникновением глобального класса эксплуатируемых. Интернационализация эксплуататоров приводит к интернационализации эксплуатируемых. Более того, неолиберальная глобализация выступает необходимой предпосылкой этой интернационализации (см.: Дугин б. г.). Развитие капитализма сопровождалось развитием управленческой эффективности правящего класса. Это касалось не только экономической сферы, но и политики реализации разнообразных мер, которые снижали силу и эффективность сопротивления эксплуатируемых. В структурном и функциональном плане это было достигнуто на уровне государства. Однако развитие капитализма до глобальной системы породило ситуацию, когда глобальная масса оформляется глобальным политическим субъектом и этот своеобразный «пролетариат» начинает «обретать» сам себя (Хардт, Негри 2004: 60).

В эпоху классического капитализма и возникновения марксизма практика социальной трансформации понималась как сопротивление эксплуатации со стороны наемного труда. Именно это сопротивление и вынуждало капитализм к модификации, усилению социальной политики, применению все новых и новых форм господства. Для неомарксистов стало очевидно, что если эксплуатация направлена на формирование определенной субъективности, то сопротивление этой эксплуатации может быть достигнуто преодолением сформированной субъективности. Новые средства коммуникации, порожденные современными информационными технологиями, привлекли внимание неомарксистов своей потенциальной возможностью для формирования нового критического сознания. *Коммуникация является эффективным средством власти, которая формирует субъективности посредством контроля над информационными потоками.* «Коммуникация является формой капиталистического производства, где капитал добивается полного подчинения общества своему режиму в глобальном масштабе, уничтожая все альтернативные пути развития» (Там же: 322). Но коммуникация сама по себе «не переходит в абстрактную форму под контролем государства». *Коммуникация выступает средой, в которой может возникнуть «общий интерес» как новая форма демократического суверенитета множества.* Таким образом, общность эксплуатации

может породить общность интереса массы в ее преодолении. М. Хардт и А. Негри писали, что «контроль над смыслами и значениями языка, а также над сетями коммуникации становится основным предметом политической борьбы» (Хардт, Негри 2006: 256, 372).

Необходимо обратиться к теоретическим разработкам немецкого философа Ю. Хабермаса, которые могут детализировать роль коммуникации в преодолении капиталистического универсализма. «Субъект» определяется Хабермасом через его (субъекта) целевую установку – отстаивать, защищать собственную идентичность в различных интеракциях (Хабермас 2003: 353). «Согласие» в рамках коммуникации измеряется его общей значимостью, что порождает «коммуникативный аспект совместного истолкования ситуации». «Коммуникативный аспект» в совершении действия порождает «коммуникативное действие» (Он же 2001: 91, 201). Если теоретически перенести концептуальные разработки «коммуникативного действия» Ю. Хабермаса на неомарксистские разработки капиталистической тотальности, то можно прийти к выводу, что идентичность субъектов «отстаивается» по отношению к капиталистическому универсализму в интеракциях, которые осуществляются в системе капиталистических отношений. «Универсализм» существует не только (и не столько) как объективная реальность, но и как результат «совместного истолкования ситуации». В этой ситуации только критическое сознание субъекта позволяет ему выйти за рамки системы, то есть стать «внешним» по отношению к системе. Подобные изменения в сознании Ж. Бодрийяр называл преодолением «символического насилия» (Бодрийяр 2000: 97). В процессе такого критического переосмысления и «преодоления» эксплуатируемые обнаруживают, что капиталистические ритуалы не существуют вне субъективности трудящихся, являются не объективными «универсалиями», а символами. Тем самым ими преодолевается капиталистическое «отчуждение» и «овеществление».

Возможный результат революционной трансформации капиталистического порядка также является предметом неомарксистских исследований. В целом неомарксизм пронизан идеей формирования нерепрессивной цивилизации. Все это выразилось в формировании политических проектов нового общественного устройства: «естественная рабочая демократия» В. Райха, «здоровое общество»

Э. Фромма, «демократия множества» («абсолютная демократия») М. Хардта и А. Негри. Эти теоретические проекты объединяет слабый уровень разработки конкретной реализации. Многие исследователи неомарксизма отмечали (и мы можем с ними согласиться), что критика современного общества выглядит в неомарксизме намного сильнее, чем определение путей, поступательных действий в ликвидации социальной репрессивности и достижении обществом подлинного гуманизма.

В целом неомарксистский подход к социальной трансформации может быть сведен к словам Г. Маркузе: «...путь в свободное общество открыт только для тех, кто свободен от благ капитализма» (Маркузе 2003: 303). Именно этому фактору неомарксисты уделяли первоочередное внимание в вопросе социальной трансформации.

Марксистская мысль является теорией социальной трансформации. Она развивалась в русле радикальной критики капитализма и поиска путей его преодоления. К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали объективные законы смены общественно-экономических формаций, но не уделили должного внимания субъективному фактору исторического процесса. Этот пробел марксистской теории был преодолен в рамках неомарксизма. Отказавшись от понимания революции только как насильственного скачкообразного преодоления капиталистического порядка, неомарксисты акцентировали внимание на необходимости дополнительной ценностной переориентации сознания масс. Таким образом, произошло своеобразное «замыкание» марксистского теоретизирования социальной трансформации: неомарксистское соединение исторического материализма и идеализма в рамках марксистского критицизма. Это позволило не только сохранить марксистскую приверженность диалектике, но и выйти на новый уровень анализа трансформации капитализма.

Однако современный глобальный социальный кризис позволяет иначе посмотреть на неомарксистское теоретизирование по поводу революционного агента. С нашей точки зрения, уверенность в культурной «невключенности» как новом потенциале революции не оправдывает себя. Ж. Бодрийяр обосновал, почему иммигранты могут выступить эффективным фактором дестабилизации капита-

листической системы, но ни он, ни другие неомарксисты не ответили на вопрос, почему иммигранты захотят это сделать.

Прототип неомарксистского агента революции – это молодежь 1968 г., вышедшая на улицы Парижа и других городов и осуществившая попытку «Великого отказа». Это была та социальная сила, которая выступила против засилья материальных ценностей в обществе развитого капитализма, где достаток стал главной мерой успеха. Новое послевоенное поколение отреагировало на эти ценности протестом: «Нас не любят, нам только покупают игрушки». Однако иммигранты – это те социальные силы, которым эти игрушки и не покупали. Г. Маркузе был недостаточно точен, когда писал, что иммигранты не терпят эксплуатации труда. Наоборот, среди всех социальных слоев западного общества именно иммигранты наиболее терпимы к эксплуатации. Современная трудовая эксплуатация в развитых странах менее тягостна по сравнению со сверхэксплуатацией в странах глобальной периферии. Более того, вознаграждение за эту эксплуатацию позволяет иммигранту приблизиться к потреблению по западному образцу, тем самым уменьшив чувство социального и экономического отчуждения. «Великий отказ» от капитализма в понимании иммигранта – это отказ от той жизни, ради которой он покинул родину и, возможно, свою семью.

Неомарксистский агент революции – это транслятор постматериальных ценностей. Иммигранты же в западном обществе есть «жертвы догоняющего потребления»: они менее, чем современный рабочий класс, готовы к культурной революции. Поэтому неомарксистская концепция солидарности радикальной молодежи и иммигрантов требует дополнительного обоснования.

Проблема иммигрантов лучше актуализируется в рамках неомарксистской концепции «дуального общества». Во второй половине XX в. в неомарксизме была поставлена проблема встречи в едином государственном пространстве различных форм эксплуатации: капиталистической, которая осуществляется через заработную плату и массовое потребление, и «предкапиталистической», которая связана с «неорасовой» дискриминацией. Эту проблему французский политолог Э. Балибар сформулировал как образование «дуального общества» (Балибар 2003: 202–203).

С нашей точки зрения, в современных условиях иммигранты способны стать агентами революции только в результате усугубления противоречий «дуального общества». «Великий отказ» для иммигрантов возможен только как «великий погром», как насильственная реакция на невозможность вписаться в развитые формы трудовых отношений, невозможность получать равную с коренным населением заработную плату и, как следствие, невозможность потреблять наравне с ними. По сути дела, речь идет о «старой» марксистской логике несоответствия развития производительных сил и производственных отношений. Разница, однако, в том, что этот «новый пролетариат» будет бороться не против капиталистического порядка, а за его «инклюзивность».

Современный капитализм – это социальный порядок, который справился с глобальной миграцией путем воспроизводства отношений «центр – периферия» в рамках отдельного государства между социальными стратами, а не странами. Это стало новым способом извлечения прибыли из труда в условиях «дороговизны» эксплуатации коренного населения и невозможности включения иммигрантов в развитые трудовые отношения. Отсюда следует, что угроза для капитализма заключается не в альтернативах социального порядка со стороны иммигрантов, а в требовании иммигрантов капитализма, одинакового для всех.

Возвращаясь к размышлениям М. Хардта и А. Негри, скажем, что коммуникация не станет средой образования глобального революционного «множества» после осознания людьми общности в эксплуатации. Единое глобальное «множество» как глобальный класс трудящихся возникнет после уравнивания условий эксплуатации, когда на смену противоречиям внутри эксплуатируемых (между иммигрантами и коренным населением) придет новое общее осознание противоречия между эксплуатируемыми и эксплуататорами.

Неомарксистская концепция революции есть результат марксистского теоретического проектирования с учетом реалий позднего капитализма. При этом неомарксистская критика капиталистической культуры как основного объекта революционного преобразования – это своеобразное продолжение стратегии поиска «ухудшения ситуации» пролетариата по мере развития капитализма, стратегии К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Неомарксисты противо-

поставили концепт репрессивной капиталистической культуры бернштейновскому концепту «улучшения ситуации». Тем самым неомарксисты смогли своеобразно преодолеть теоретическое противостояние ревизионизма и марксизма-ленинизма, указав на то, что при ослаблении эксплуатации в экономической сфере происходит ее усиление в сфере культурного воспроизводства капитализма. Однако хорошо разработанная теория столкнулась со сложностями при поиске агента преодоления культурной репрессивности. В перспективном измерении неомарксисты сделали ставку на новые маргинальные силы. Однако вера в культурных радикалов и апелляция к опыту молодежных бунтов 1960-х гг., а также теоретическое исследование революционного потенциала иммигрантов оказались неverifiedируемыми в масштабах капиталистической трансформации.

Можно сделать вывод, что в неомарксизме преодоление капиталистического порядка есть глобальная возможность для освобождения человечества от объективной и субъективной репрессивности капитализма. Трансформация общества станет реальной только через революцию сознания, отказ от ценностей общества потребления, формирование посредством коммуникации нового общего интереса и реализацию ненасильственных форм глобального сопротивления. Авангардом и популяризатором такой революции, по мнению неомарксистов, должны выступить «невключенные» в воспроизводство капитализма силы: радикальная молодежь, иммигранты, интернет-активисты.

Анализируя неомарксизм в свете столетней годовщины Октябрьской революции, можно сказать, что его влияние на современные идеологические направления несоразмерно с влиянием марксизма-ленинизма на рабочее движение. При всем своем многообразии (ситуационизм, операционизм, «социализм или варварство» и др.) «новые левые» 1960-х гг. не являются ни институционализацией неомарксизма, ни его теоретическим направлением. «Новые левые» восприняли аналитический посыл культурной репрессивности капитализма, однако в своей насильственной практике противоречили неомарксизму (см. подробнее: Тарасов 2008). В конечном счете западное общество проявило немалую гибкость и толерантность, преодолев протесты радикального студенчества. К середине 1970-х гг.

левые молодежные движения перестали представлять угрозу стабильности западного общества, а многие известные активисты (например, Й. Фишер) включились в парламентскую борьбу. В современной радикальной политике неомарксистский дискурс воспринят антиглобалистским движением. Однако практика антиглобализма также вызвала критику неомарксистов. Словенский философ и культуролог С. Жижек считал, что современные «антидвижения» действуют по формуле: «Давайте и дальше менять все таким образом, чтобы в глобальном масштабе все оставалось по-прежнему!» (Жижек 2003: 21). У неомарксистов не вызывают оптимизма и так называемые «зеленые» партии, как, впрочем, и весь социалистический блок. Существует даже специальный термин – «социализм Микки Мауса», введенный И. Месарошем для обозначения псевдосоциалистической идеологической направленности современных «левых» (Mészáros, Lucena n.d.). Поэтому проблема политической рецепции неомарксизма – это проблема признания ее со стороны самих неомарксистов. Подобное «упрямство» может быть понято как приверженность собственной идее культурной революции, которая также апеллирует к потенциалу разума, предлагая отказаться от «привитого» цивилизацией ощущения необходимости «встраивать» человеческое развитие в политические формы.

Литература

Андерсон, П. 1991. На путях исторического материализма. В: Андерсон, П., *Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма* (с. 151–266). М.: Интер-Версо.

Балибар, Э. 2003. От классовой борьбы к бесклассовой борьбе? В: Балибар, Э., Валлерстайн, И., *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности* (с. 177–210). М.: Логос-Альтера; Ессе Ното.

Бодрийяр, Ж. 2003. Насилие глобализации. *Логос* 1: 20–23.

Бодрийяр, Ж. 2000. *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет.

Дугин, А. Б. г. Либерально-марксистская глобализация: [аудиозапись]. *Podster*. URL: <http://speaker-dugin.podster.fm/8> (дата доступа: 12.10.2017).

Жижек, С. 2003. *13 опытов о Ленине*. М.: Ад Маргинем.

Кагарлицкий, Б. Ю. 2005. *Марксизм: не рекомендовано для обучения*. М.: Алгоритм; Эксмо.

Лукач, Г. 2003. *История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике*. М.: Логос-Альтера.

Маркузе, Г.

2003. *Эрос и цивилизация. Одномерный человек*. М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак».

2004. *Конец утопии. Логос* 6: 18–23.

Михайловский, В. С.

2012. «Гегельянский» марксизм: смысл и эвристическое значение категории для современных исследований в области социально-политического знания. *Вестник Гродненского государственного университета. Серия 1 «История и археология. Философия. Политология»* 3: 109–113.

2015. Неомарксизм вчера, сегодня, завтра. *Социология* 4: 37–43.

Нэбб, К. 2003. *Радость революции*. М.: Едиториал УРСС.

Райх, В. 2004. *Психология масс и фашизм*. М.: АСТ.

Тарасов, А. 2008. 1968 год в свете нашего опыта. *Полит.ру* 20 ноября. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/11/20/rev/> (дата доступа: 14.10.2017).

Хабермас, Ю.

2001. *Моральное сознание и коммуникативное действие*. СПб.: Наука.

2003. *Философский дискурс о модерне*. М.: Весь Мир.

Хардт, М., Негри, А.

2004. *Империя*. М.: Праксис.

2006. *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М.: Культурная революция.

Marcuse, H.

1969. Re-examination of the Concept of Revolution. *New Left Review* 56: 30–38.

1971–1972. The Movement in a New Era of Repression: An Assessment. *Berkeley Journal of Sociology* 16: 1–14.

2005. The Problem of Violence and the Radical Opposition. *Collected Papers of Herbert Marcuse*: in 6 vols. Vol. 3. *Foundations of the Left and the 1960s* (pp. 56–75). London; New York: Routledge.

Mészáros, I. 2005. *The Power of Ideology*. London; New York: Zed Books LTD.

Mészáros, I., Lucena, E. de. N.d. Barbarism on the Horizon: An Interview With István Mészáros. *MRonline* December 31. URL: <https://mronline.org/2013/12/31/meszaros311213-html/> (accessed 15.10.2017).